

Чю Чаншен

Докторантура DBA «Деловое администрирование»

Университет Narxoz

**Роль инвестиционной составляющей в реализации инновационной
политики в нефтегазовой сфере**

В прошлые десятилетия было принято считать, что нефть является хеджем против инфляции и противовесом возможному падению на более широких финансовых рынках. После финансового кризиса 2009 года, вообще говоря, нефть фактически отслеживает рынок облигаций и индекс S&P 500 и так далее. И поэтому привлекательность для крупного инвестора нефти и газа в качестве хеджирования или стратегии диверсификации больше не звучит правдиво. Весь этот образ мыслей о том, почему нужно инвестировать в этот товар, действительно изменился.

Акционеры платят руководителям энергетических компаний за разработку стратегии, которая больше не фокусируется на 100% на добавлении резервов в баланс, что было традиционным фокусом в прошлом. Теперь находят компании, которые действительно могли бы принять решение о том, какой набор энергетических инвестиций следует делать в будущем. Это означает объединение выплат акционерам по мере того, как они производят унаследованные активы, и принятие правильных решений о будущем размещении капитала, чтобы обеспечить процветание компании по мере ускорения энергетического перехода. И это действительно означает, что инвесторы должны искать компанию за компанией.

Всего через несколько лет после крупных сокращений, наблюдавшихся в 2015 и 2016 годах, инвестиции в нефтегазовый сектор испытали еще больший шок в 2020 году. Рынки, компании и целые экономики были потрясены

последствиями глобального кризиса, вызванного пандемией Covid-19, и эти последствия ощущались во всех глобальных цепочках поставок углеводородов.

Особенно сильно пострадали нефтяные рынки. Промышленность была вынуждена реагировать на резкое снижение спроса и цен на нефть, поскольку пандемия сократила потребление топлива в транспортном секторе, усугубившееся в первые месяцы года снятием ограничений на поставки из группы ОПЕК+.

Потребители в условиях изоляции не могут воспользоваться преимуществами снижения цен, поэтому традиционный стабилизирующий элемент на рынках отсутствует. Вместо этого задача сбалансировать рынок в 2020 году почти полностью легла на "плечи" предложения. Драматические масштабы снижения потребления нефти во втором квартале значительно превысили краткосрочные возможности отрасли адаптироваться, даже несмотря на соглашение о добыче, в конечном счете согласованное ОПЕК+ в апреле.

Кризис вынудил некоторые существующие производства остановиться, отчасти потому, что экономика не поддерживает непрерывную эксплуатацию, но также и потому, что быстрое наращивание запасов нефти насыщает имеющиеся складские мощности в некоторых частях мира, даже приводя иногда к отрицательным ценам. Для некоторых производителей просто не было места для их нефти.

Цены на природный газ (и без того низкие до кризиса) и потребление также пострадали от блокировок, хотя и не в такой степени, как нефть. Но перенасыщенные газовые рынки также демонстрируют признаки напряженности, и это давление может усилиться позже в этом году, когда хранилища газа, уже находящиеся на рекордно высоком уровне, заполнятся еще больше [1, с.61].

Компании отреагировали резким снижением своих инвестиций в 2020 году. Первоначальное сокращение капитальных затрат в среднем составляет около 25% по сравнению с планами, которые ранее были намечены на этот год. На наш взгляд, учитывая продолжающийся финансовый стресс, практические

трудности с реализацией проекта и некоторые нарушения в цепочках поставок, вероятным чистым результатом для глобального сектора добычи нефти является снижение инвестиций почти на треть по сравнению с 2019 годом.

После предыдущего падения цен на нефть в 2014 году эффект сокращения капитальных затрат на практике был смягчен снижением затрат на добычу полезных ископаемых. В результате 40% - ное сокращение номинальных расходов с 2014 по 2019 год оборачивается гораздо меньшим 12%-ным сокращением деятельности по добыче полезных ископаемых. Однако возможности для дальнейшего снижения затрат сегодня гораздо более ограничены, поскольку большая часть прироста эффективности уже получена. В результате сегодняшнее снижение инвестиций более непосредственно выражается в снижении активности.

Сокращение инвестиций и финансовый стресс особенно остро ощущаются среди некоторых независимых американских компаний и производителей сланцевой нефти, многие из которых уже сталкивались с требованиями инвесторов поддержать бизнес-модели и улучшить денежный поток до недавнего обвала цен. Некоторые производители сланцевого газа хеджировали часть выпуска 2020 года по более высоким ценам, но эта защита редко распространяется далеко в будущее, и дизайн некоторых существующих хеджей не обеспечил большую часть щита в этих экстремальных рыночных условиях.

Риски для команд, живущих и работающих вместе над существующими береговыми или оффшорными проектами. Рабочие на этих объектах, как правило, остаются в тесных кварталах в лагерях или на буровых установках, что делает социальное дистанцирование почти невозможным. Регулярная ротация персонала также увеличивает возможности распространения инфекций. Компании пытаются снизить эти риски с помощью регулярных медицинских осмотров, ограничивая количество людей на месте и продлевая пребывание тех, кто остается. Даже без вспышки инфекции меры по снижению риска влияют на скорость продвижения проектов вперед [2, с.502].

Компании полагаются на национальную и международную мобильность персонала в своих проектах и предоставлении услуг, и это было серьезно сокращено. Это неизбежно приводит к задержкам, когда либо сама компания, либо страна отправления или получения ввела ограничения на поездки, особенно когда компания хочет начать или нарастить инвестиционную деятельность. Это способствовало множеству объявленных задержек проекта.

Производство и поставка материалов и оборудования для проектов были прерваны в некоторых случаях из-за блокировок, либо из-за того, что пострадали сами заводы, либо из-за того, что был нарушен транспорт (например, портовые сооружения). Например, из общего числа 28 плавучих производственных, складских и разгрузочных судов, которые строились в первом квартале 2020 года, 22 строились на верфях в Китае, Корее и Сингапуре-во всех странах, где промышленная деятельность была серьезно затронута. Кроме того, Ломбардский регион Италии, который был одним из первых районов Европы, которые были заблокированы, является крупным центром производства специализированного инженерного оборудования для нефтяной и газовой промышленности.

Нынешний кризис открыл глаза многим компаниям на уязвимость их цепочек поставок: в целом местные цепочки поставок оказались полезными, и это может иметь последствия для инвестиционных и закупочных стратегий в будущем.

Наряду с планируемым сокращением капитальных затрат эти практические соображения задерживают начало или реализацию многих проектов, представляя собой дальнейший риск снижения расходов в 2020 году, поскольку деятельность отодвигается на 2021 год (или в некоторых случаях за его пределы).

В результате низких цен на нефть международные нефтегазовые компании вынуждены существенно сокращать инвестиционные программы. Дефицит денежных средств, генерируемых операционной деятельностью, приводит к росту задолженности, что, в свою очередь, повышает риски нефтегазового бизнеса. Компании пересматривают свои портфели, отказываясь от самых

дорогих проектов. Ряд компаний начинают уделять больше внимания возобновляемым источникам энергии, чтобы увеличить долю газовых проектов в своих активах. Общая тенденция для всех компаний-снижение издержек. Однако прогнозы ведущих энергетических аналитических агентств показывают постепенное увеличение спроса на углеводороды в ближайшие 20 лет, а постепенный рост цен на нефть в среднесрочной перспективе должен привести к увеличению инвестиций в новые проекты.

Список литературы

1. Коноваленко Н.П. Роль государства и особенности стратегического управления предприятиями нефтегазового комплекса России // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 7. С. 61-67.
2. Белозерцева О.В. Перспективы применения инновационных технологий в нефтяной отрасли России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8-3. С. 502-505.
3. Блохина Т. К. Экономика и управление инновационной организацией. Учебник / Т.К. Блохина, О.Н. Быкова, Т.К. Ермолова. - М.: Проспект, 2017. - 428 с.